

# Теория и практика космического восстания

Философ Евгений Кучинов о Святогоре, анархо-биокосмизме и  
имманентной сотериологии

Иван Мартов

30 марта 2018

— Как складывался ваш круг интересов?

— Я получил историческое образование в Нижнем Новгороде, здесь же защитил диссертацию о мифологическом восприятии времени в древнеегипетской культуре. Сейчас преподаю в Мининском университете, читаю курсы по философии XX–XXI веков, русской и зарубежной. Занимаюсь я в основном философией (психоанализом, шизоанализом, политикой) техники, историей русской философии первой трети XX века, постструктурализмом и современной философией «после спекулятивного поворота». Если говорить о кругах чтения, в которые я был втянут и которые так или иначе меня формировали, то первым кругом была русская классика XIX века (особенно Достоевский) и поэзия Серебряного века (особенно Максимилиан Волошин), Новый Завет и святоотеческие тексты, потом было много мифологии и эзотерики — от египетской Книги Мертвых и Ам-Дуат до «Розы мира» и Ошо. Потом началась философия: феноменология, Хайдеггер, Лакан, Делез, Деррида, Фуко, Симондон — ну и совсем современное: Мейясу, Харман, Брайант, Шавиро, Нойс, Уорк и т. д. и т. п. Параллельно со всем этим я занимался левой теорией (от Маркса и Бакунина до Негри и Боба Блэка).

И еще один важный пункт: моя работа всегда была погружена в большое количество весьма экстремальной музыки (грайндкор, нойз, глитч, панк и т. п.). Думаю, именно музыка всегда толкала меня на поиски чего-то странного, чего-то выходящего за рамки обыкновений. В итоге преподавание в университете оказалось для меня довольно скучным (хотя и очень полезным в плане прокачивания мозгов), и мы с друзьями сделали проект «RPh | Pop-Philosophy!», где стали заниматься философией на свободных от бюрократизма площадках, на первомайских шествиях, в барах, клубах, галереях и т. д. У нас в RPh побывали многие интересные люди, общение с которыми меня очень вдохновило и вдохновляет до сих пор, — Миша Куртов, Йоэль Ревев, Саша Ветушинский, Рома Михайлов, Денис Сивков и другие. Именно в рамках

РРh я заинтересовался анархо-биокосмизмом, опубликовав на [por-philosophy.net](http://por-philosophy.net) первый текст по теме — «Фрагменты анархо-биокосмистов».

**— А увлечение Отцами Церкви — это пройденный этап или оно может пригодиться тому, кто увлекается Мейясу и анархо-биокосмистами? И почему именно Максимилиан Волошин? Мне кажется, любители Серебряного века чаще увлекаются фигурами вроде Андрея Белого.**

— Ну, с одной стороны, Новый Завет и Отцы Церкви после русской классики XIX века — это, как мне кажется, вполне логично. С другой стороны, я долгое время преподавал средневековую философию, и тексты Отцов Церкви были там очень нужны. Сейчас я тоже часто к этим текстам обращаюсь, но уже не только и не столько в историко-философском ключе. Скорее меня интересует, что с ними сегодня можно сделать, как их можно по-новому прочитать. Например, не так давно я перечитывал «О граде Божьем» Августина в контексте темы «секс и техника». Кто бы мог подумать, что Августин одним из первых в философии описал сексуальную жизнь машин? Это очень интересный сюжет. Или, например, сейчас я перечитываю всю свято-отеческую классику (а также и Фому Аквинского), занимаясь темой теологической криминалистики воображения. Фома Аквинский пишет потрясающие вещи о воображении после смерти тела, о воображении у животных и о различных расстройствах воображения. Ужасно интересно!

Что касается Максимилиана Волошина, то тут не было никакого плана, поэтому вопрос «почему именно он?» не имеет сколько-нибудь внятного ответа. Он подвернулся под руку, вот и все. Его стихи были в составе какой-то маленькой антологии поэзии Серебряного века, а книжку мне подсунула учительница литературы в пору моего увлечения стихотворством. Я ее прочитал, и Волошин мне понравился больше всех. Это были красивые 1990-е годы, книг не хватало, интернета не было. И вот на книжном развале я нахожу целую книгу Волошина, издательство «Феникс», а там уже все серьезно — «Пути Каина» и так далее. Вот эту вещь я очень полюбил, знаю ее почти наизусть. Сейчас я тоже часто Волошина читаю — вот прямо в это мгновение у меня (благодаря темам, которыми я последнее время занимаюсь) в голове крутятся его строки 1924 года:

У нас в душе некошеные степи.  
Вся наша непашь буйно заросла  
Разрыв-травой, быльем да своевольем.  
Размахом мысли, дерзостью ума,  
Паденьями и взлетами — Бакунин  
Наш истый лик отобразил вполне.  
В анархии все творчество России:  
Европа шла культурой огня,  
А мы в себе несем культуру взрыва.  
Огню нужны — машины, города,  
И фабрики, и доменные печи,  
А взрыву, чтоб не распылить себя, —  
Стальной нарез и маточник орудий.

Даже в этих строках видно, что Волошин очень космистский автор, особенно с этой идеей о культуре взрыва (хотя в «Путях Каина» на эту тему сказано гораздо больше). Задумаемся над такой параллелью: Николай Кибальчич, народоволец, которого повесили за покушение на Александра II, был главным техником «Народной воли», где и разрабатывал снаряды с «гремучим студнем», ставшие орудиями цареубийства; с другой стороны, уже в тюрьме он подготовил проект летательного аппарата для космических полетов, основанного на идее управляемого взрыва. Я убежден, что цареубийственный взрыв и взрыв, открывающий выход в космос, — один и тот же (Волошин, кстати, тоже об этом говорит). Собственно, из этих «некошенных степей», буйно заросших разрыв-травой, и вырос анархо-биокосмизм.

**— Прежде чем перейти к биокосмизму и Святогору, наследием которого вы занимаетесь, стоит, думаю, кратко охарактеризовать космизм в целом — что это за феномен, откуда он взялся, на какие запросы отвечал и в чем заключается лично ваш к нему интерес?**

На космизме, как и на любом другом «-изме», лежит печать упрощающего обобщения, наследования и институционализации. То есть, с одной стороны, под эту рубрику подвешиваются самые разные движения, имена, идеи, практики и стратегии, а с другой стороны, что-то всегда оказывается «за бортом» в качестве исключенного и вытесненного, в качестве еретического, анархического, неинституционализируемого. Когда к космизму прибавляется прилагательное «русский», ситуация становится еще запутаннее, и чуть ли не вся «русская философия» (со времен митрополита Илариона) может быть объявлена космистской.

Я бы определил космизм очень коротко: это теория и практика имманентного космического восстания. До смешного коротко, да? Но это максимально широкий контекст, который позволяет смотреть на космизм как на множество, а не как на некую целостную ортодоксию. Если говорить о генеалогии космизма, то нужно отметить несколько моментов. Космизм — это движение, которого не существовало до Нового времени с его коперниканско-галилеевской астрономией, переопределившей положение человека в космосе (и сам космос), экспериментальной наукой, переопределившей самого человека, политиками имманентности, через революцию строившими Царство Божие на земле, и атеизмом, который был не чем иным, как радикализацией христианства. Еще один важный контекст — это становление национализмов, национальных государств, идеологии которых космизм противопоставляет себя как учение о жизни в космосе, а не на клочке земли, окруженном иными народами, соперниками, врагами. Можно назвать космизм имманентной сотериологией, учением о спасении, которое этический радикализм религиозных чаяний спускает с небес на землю. Этот радикализм переносит центр тяжести с бездеятельного созерцания на фактическое изменение и звучит как в 11-м тезисе Маркса о Фейербахе, так и в проективной установке Федорова: не объяснять, не созерцать, но менять, делать. Можно ли Маркса назвать космистом? Думаю, если бы мы спросили его, что будет после того, как победит мировая революция, он, вполне вероятно, дал бы космистский ответ: дальше — космос (многие марксисты так отвечали).

То есть проблема, на которую отвечает космизм, заключается в космической организации жизни, имманентном росте жизни, освободившейся от иллюзий, это проблема ее космического восстания. Ответы на нее могут быть самыми разными, но их можно расположить по оси пространства (космическое восстание — это полеты в космос, освоение других планет, регуляция космоса) и по оси времени (восстание жизни — это фактическое ее продление, достижение бессмертия и воскрешение).

Конечно, не русский космизм придумал все эти проблемы и начал давать на них ответ. Об инопланетянах писали уже Николай Кузанский и Джордано Бруно, идеями космических полетов болела чуть ли не вся Европа XIX века, уже в 1865 году Жюль Верн написал «С Земли на Луну», а через четыре года — «Вокруг Луны». Если говорить о воскрешении, то Луиджи Гальвани и его племянник Джованни Альдини, основоположники электрофизиологии, еще в конце XVIII — начале XIX века экспериментировали с частичным воскрешением трупов с помощью электрического тока (их научные эксперименты продолжил химик и натурфилософ Эндрю Юр, и все эти сюжеты в итоге повлияли на написание «Франкенштейна»).

Русский космизм внес в это поле мощную моральную и этическую, да еще и политическую составляющую. (Различие морали и этики, по Спинозе, состоит в том, что мораль предписывает, что должно, а этика экспериментирует с тем, что можно). Федоров сделал воскрешение отцов и освоение космоса фундаментальным моральным обязательством, одно из ключевых слов у него — долг. Мы должны стать воскресителями и регуляторами природы. Циолковский размышляет скорее о том, какие сверхформы могла бы принять наша жизнь (и он, надо сказать, не чужд идей, предполагающих уничтожение низших форм жизни), и пишет о возможностях космических полетов в духе Жюль Верна. Валериан Муравьев говорит о космической революции. Анархисты же кричат о космизме как альтернативе национализму и империализму, о Земле как техническом объекте (Братья Гордины), об интерпланетаризме как альтернативе интернационализму и о свободном бессмертии (Святогор), о крионической перепайке органики, войсках анабиоза и комитетах бессмертия (Александр Ярославский). Русский космизм опозитизировал эту тему и внес в нее множество утопических мотивов.

Стоит ли объединять все эти потоки под единой рубрикой «русского космизма», с акцентом на первом слове? Если очень хочется сделать из него туземную диковинку, то да, но мне ближе подход к этому множеству как к коробке с инструментами и деталями: вопрос не в том, кем и где это придумано, а в том, что мы сегодня можем с этим сделать.

**— А что вы думаете о современных попытках реконтекстуализации космизма (речь, в первую очередь, о Борисе Гройсе, под редакцией которого несколько лет назад вышла антология космистских текстов)?**

С выходом в свет антологии, составленной Борисом Гройсом (точнее, даже раньше), началась «легализация» космизма, в которой заинтересован прежде всего определенный круг людей, близких к современному искусству и теории. Поясню небольшой предысторией и простым примером. Помню, где-то в 2011-м, когда я уже некоторое время занимался чтением Николая Федорова, увлекавшего меня странностью и смелостью мысли, я прочитал текст Александра Секацкого «Пролетариат и смерть». Отличный текст, он очень правильно в отношении материала, с которым имеет дело

Секацкий, написан: там много фиктивных источников, разбоя воображения, там Центральный институт труда представлен как фабрика экспериментов по воскрешению, а Александр Богданов — как радикальный апологет и теоретик чудовищно реалистичного советского зомби-муви, в котором павшие на полях Гражданской войны пролетарии частично воскрешаются с помощью электричества, носят ящики и забивают своими почерневшими руками гвозди. Разумеется, имя Федорова упоминается там в первом же предложении. После этого я много читал, смотрел и слушал Секацкого — и как-то во время университетского обсуждения ситуации в современной русской философии я обронил фразу: «А вот Секацкий считает, что один из самых интересных русских мыслителей — это Федоров». В ответ один философ, как раз близкий к институциям, связанным с современным искусством, сказал: «А я никогда и не считал Секацкого продвинутым философом». Понимаете, в чем посыл? Если ты занимаешься космизмом, то это автоматически свидетельствует о том, что философ ты так себе: если не идиот, то уж точно чужак. И каково же было мое удивление, когда тот же самый философ после выхода в свет «Русского космизма» Гройса вдруг разродился текстом, в котором писал, что видит в Федорове и космизме некую актуальную тенденцию, некую живую жилу, которая может взбодрить современные философские дискуссии. Таков, на мой взгляд, смысл «легализации космизма»: теперь в определенных кругах можно (и даже нужно) говорить о космизме без риска прослыть чужаком. Легализация — это минимизация риска. У нее есть отрицательные последствия: вокруг темы появляется не совсем здоровый хайп; у тех, кто к ней обращается, появляется ощущение, что никто до них космизмом на должном уровне не занимался; сама история космизма приобретает безальтернативный характер и ограничивается фигурами, включенными в ту самую антологию (Федоров, Циолковский, Святогор, Муравьев, Богданов) и т. п. Есть и положительные следствия: появилась возможность вести серьезную дискуссию о космизме на самых разных уровнях и в самых разных контекстах; ощущение, будто мы занимаемся космизмом как бы с чистого листа, подталкивает к эксперименту и изобретению, а также к пересмотру канонической истории космизма, вращающейся вокруг Федорова.

**— А что именно привлекает современных теоретиков и художников в космизме? Это просто очередная модная тема или же возникла реальная потребность в неких идеях и т. п.?**

Вот конкретный пример: Борис Гройс и современные художники нашли у Николая Федорова и Валериана Муравьева замечательную вещь, мощную и оригинальную идею музея. Федоров был библиотекарем Румянцевского музея, для него эта тема очень важна, он посвящает ей множество страниц, на которых задачи музея становятся просто грандиозными. В сущности, весь космос должен стать музеем, но музеем не созерцательным, не выставочным, а деятельным. Должен появиться активный музей, охватывающий и искусство, и науку, и технику, и быт, и воскрешение мертвых. Каждое существо должно стать музееобразным. (Кстати, у Федорова есть любопытное размышление о том, что музей не человеческое творение и даже не свойство живой природы: он начинается на неорганическом уровне). Для современного музея такой заход, конечно, очень привлекателен. Не менее масштабен у Федорова и проект нового «коперниканского», как он его называет, искусства, которое тоже переключается с созерцания на деятельное освоение, переделывание. Очень красиво это новое

искусство описано у Муравьева: бесконечная музыка, которая достигает отдаленных звезд и включает их в умопомрачительный космический хоровод; живопись, которая в прямом смысле слова «пишет жизнь», создает живые существа, меняет облик планет и становится также «атмосферописью» (давайте будем показывать кино на облаках!); архитектура летающих кремлей и так далее и так далее.

1

Чему все это отвечает? Есть ли запрос на такое понимание музея и искусства? Думаю, запрос на масштаб, на какое-то большое дело есть, конечно. Не хватает новизны, свежести. Но тут проявляется еще один важный элемент русского космизма, делающий его очень привлекательным: на фоне западной традиции он кажется туземным. В этом смысле его «легализация» обретает еще и совершенно конкретный торговый смысл, он может быть замечательной статьёй интеллектуального экспорта, как туземная диковинка. И в этом смысле тоже важна «минимизация рисков». В ряду прочих туземных товаров «русский космизм» должен быть обеззаражен, герметично упакован в целлофан существующих трендов и сопровождается какой-то рекламной кампанией. Эта история интеллектуального экспорта началась не вчера и не с космизма, разумеется. Трагикомические черты здесь проступают тогда, когда этот обмен становится чем-то вроде ветви сырьевой экономики: мы извлекаем из «русских недр» что-то красивое, смотрим, совершенно не понимая, что с этим делать, и продаем тем, кто более технологичен, — чтобы потом выкупить обратно в обработанном виде. Чего в этой истории не хватает, так это критики и изобретательности. Нам нужно предельно критично относиться к «сокровищам русской духовности», без всякого самолюбования — и обходиться с этими «сокровищами» настолько изобретательно, насколько это возможно. И мне кажется, что нынешняя тяга к космизму и тяжбы вокруг него дают простор и для критики, и для новых идей.

**— С космизмом более-менее ясно — расскажите теперь, пожалуйста, о своих занятиях анархо-биокосмизмом и архивом Святогора.**

Первым, что я опубликовал, были «Фрагменты анархо-биокосмистов» — экспериментальный текст, во многом безразличный к архиву. А вот книга «Святогор» — это, можно сказать, приложение к «Фрагментам», та самая архивная история, которая ранее была известна не очень хорошо. Контекст «некошенных степей», буйно заросших разрыв-травой, из которого выросал анархо-биокосмизм, пока малоизучен, но схематично его уже можно наметить. Судя по всему, биокосмистом называл себя уже Циолковский, разработавший учение о монизме вселенной, странное и нуждающееся в новом прочтении. В условиях политического бурления начала XX века Братя Гордины, Святогор, Ярославский и их сторонники произвели анархическую ревизию биокосмизма, задействовав несколько реагентов: русский поэтический, художественный и лингвистический авангард (Хлебников, Крученых, Гастев, Малевич и другие), утопический потенциал ранней русской фантастики (например, роман Александра Богданова «Красная звезда») и собственно радикальную анархическую теорию (пананархизм<sup>1</sup>, анархизм-универсализм, всеизобретательство). У Святогора к этому списку прибавилось «трезвое» анархическое богоискательство — он из

---

<sup>1</sup> Пананархизм (а не панархизм), а также следующие термины, являются названиями одной идеологии направления космического анархизма. (Примечание публикатора.)

семьи священника, учился в семинарии и писал богословские тексты на русском и украинском языках — это, в общем, христианское богословие; а вот Братья Гордины — иудейские богословы, причем весьма оригинальные. Все анархо-космисты в теории и на практике были анархистами, поэтами, фантастами и, опционально, богословами. Вот из этих бурлящих сред и вырос анархо-космизм.

Работая над собранием текстов Святогора, я с удовольствием вспомнил, что я немножко историк и люблю иметь дело с источником в его материальности. К сожалению, не могу похвастаться тем, что нашел все связанные со Святогором тексты, пока для меня в темноте остаются как подробности его гибели, так и ранние годы жизни (до 1910). Его библиография, которую он сам периодически составлял, нестабильна, в ней то появляются, то исчезают некоторые сочинения. Какие-то из них Святогор, скорее всего не без самолюбования, сопровождает пафосным примечанием «уничтожено автором». Я еще не читал его творений на украинском языке, какие-то его «стихеты», скорее всего, канули в Лету, поскольку публиковались в третьесортных поэтических сборниках 1920-х годов. И так далее. «Архив Святогора» — весьма диффузная штука. Но мне кажется, что те тексты, которые вошли в сборник, изданный Common Place, дают довольно полную картину писательской эволюции Святогора. От оборотнических «стихетов» к вулканизму, от вулканизма к анархо-биокосмизму, от биокосмизма к богословию Свободной Трудовой Церкви и от богословия к очень посредственному, очень вялому «воинствующему атеизму», который больше похож не на стремление выделиться и сказать что-то новое, а на попытку стать невидимым. За этой эволюцией довольно сложно следить, перед нами как будто несколько разных (причем далеко не первоклассных) писателей, а то и несколько разных людей. Их объединяет какой-то специфический, почти патологический пафос (я намеренно играю этими словами, греческий пафос — это и страсть, и страдание), Святогор — крикун и певец некоего аффекта. Разгадать этот аффект непросто, самый доступный способ — попробовать его на себя примерить. Примерить на себя письмо Святогора значит оказаться в странной конвульсивной тряске, у которой несколько имен: оборотство (или бестиализм, животность), вулканизм, инстинкт бессмертия и интерпланетаризм. Это что-то в промежутке между диким оптимизмом и помешательством, между смехом и тоской, между остроумием и идиотизмом — стоит попробовать хотя бы в порядке эксперимента.

Вот, например, «стихета» 1921 года, она не вошла в подготовленный мною сборник: обнаружил ее недавно в журнале Абы Гордина «Универсал». Этим произведением Святогор был очень доволен, часто на него ссылался, несмотря на то, что оно нередко вызывало у слушателей недоумение или смех.

3

На кресте  
На пригорке, у речушки,  
Где бородака тощих лоз  
Ноет грустные частушки,  
Умер ночью Конь-Христос.

В час, когда от граней тела  
Отошел в пустыни дух,  
В небе искра пропестрела  
Да взгрустнул глухой петух.  
И кругом так пусто было —  
Одинок скончался Конь.  
Богородица-Кобыла  
Не наплакала в ладонь.  
И лежал, распят, покойник  
На земли немом кресте, —  
Только ветер взвыл разбойник  
Панихиду на кусте.  
А когда, верно закону,  
Утро вскинуло лучи, —  
К телу хлынули вороны,  
Навострив свои мечи.  
Было их несметно много  
На пригорке у реки,  
И терзали жадно бога,  
Прежде выключнув белки.  
И никто из тех что мимо  
Тела божья шли шаги,  
Не учуял Никодима  
В сердце тощем ни крохи.  
И никто кровавой рати  
Не отринул от Христа,  
И никто, хотя б некстати,  
Вздых не вынул у креста.  
А когда приплелся вечер,  
Был растерзан Конь-Христос.  
Только выл безумный ветер,  
Да ломались пальцы лоз.

Это такой еретический биокосмизм, в котором космос достигается через смешение, через становление животным, бестиализм. Он очень отличается от нравоучительного космизма Федорова, или сверхрационального космизма Муравьева, или конструктивистского космизма Циолковского. Здесь веет спокойным безумием.

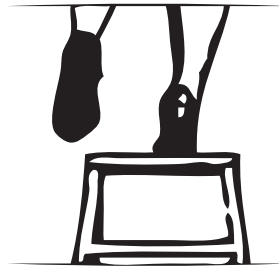
— **Во «Фрагментах» вы ссылаетесь на представителей спекулятивного реализма и Делеза — есть какие-то параллели между их идеями и творчеством этих подзабытых русских авторов?**

Я бы не стал говорить о том, что биокосмизм связан со спекулятивным реализмом и постделезианством, или о том, что у них есть что-то общее. Я исхожу из инструментальных соображений, из (вполне делезианской или поп-философской,

да) логики ящика с инструментами и деталями. С текстами биокосмистов самая большая проблема, как мне кажется, в том, что совершенно непонятно, как их читать, что с ними делать. К ним нужна отмычка, ключ, иначе они выглядят как бред. Скажем, Фрейд изобрел ключ для чтения бреда невротика, и после него уже ни о чем нельзя сказать «это просто бред» — и отбросить в сторону, так как бред требует не распознавания и отбрасывания, а толкования. Кстати, я все жду психоаналитических интерпретаций русского космизма. Тут просто тьма интересных сюжетов, особенно у Федорова, который, как известно, был внебрачным сыном князя Гагарина, из-за чего у него возникли некоторые жизненные трудности. И вот Федоров пишет об отцах, о братстве, о воскрешении... Буквально миф «Тотема и табу», вывернутый наизнанку! Нужно написать комикс о встрече Федорова и Фрейда. Так вот, если Фрейд научил нас толковать бред невротика, то кто научит нас толковать биокосмический бред? Схожие проблемы возникают тогда, когда приходится работать, например, с поздними текстами Вильгельма Райха о его наблюдениях и контактах с НЛО. И вот здесь на помощь приходит Делез (большой любитель Райха, кстати) с его вниманием к миноритарности и не востребуемым авторам, с его экспериментальным письмом и темами становления-интенсивностью, становления-молекулой, с его геологией морали, а главное — с его «кривотечием», которое позволяет читать Ельмслева как «геолога-спинозиста», которое сбивает бороду Марксу и заставляет Гегеля бороду отрастить. Не менее полезен Мейясу, через его доказательство контингентности законов природы очень удобно читать Братьев Гординых; или Тимоти Мортон, с помощью его «экологии без природы» можно интерпретировать вулканизм Святогора; или Стивен Шавиро, через концепцию аффектов которого можно понять гипоконцептуальные крики того же Святогора.

С другой стороны, есть пересечения в этической проблематике (Мейясу с дилеммой призрака и воскрешение / бессмертие у космистов), а еще, как это ни удивительно, сходятся некоторые направления концептуализации (например, вопрос о технике у Гординых и у Симондона). С этим тоже можно работать.

Библиотека Анархизма  
Антикопирайт и инфоанархизм



Иван Мартов  
Теория и практика космического восстания  
Философ Евгений Кучинов о Святогоре, анархо-биокосмизме и имманентной  
сотериологии  
30 марта 2018

[web.archive.org](http://web.archive.org)

Взрыв, открывающий выход в космос, интерпланетаризм и свободное бессмертие — поговорили с философом Евгением Кучиновым, который занимается наследием русского космизма. В конце прошлого года под его редакцией в издательстве Common Place вышло собрание текстов забытого анархо-биокосмиста и поэта-вулканиста Александра Святогора (1886–1937).

[ru.anarchistlibraries.net](http://ru.anarchistlibraries.net)